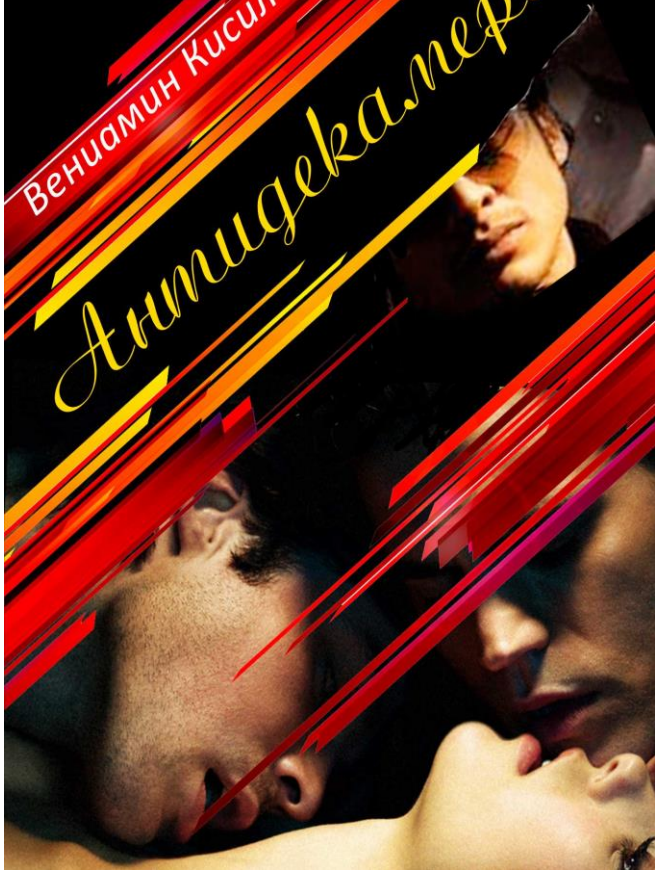

Вениамин Кисилевский

Антидекамерон

Автор предлагает читателю увлекательное литературное приключение. Персонажи повести рассказывают друг другу свои любовные истории не в столь драматичных, конечно, как в «Декамероне», обстоятельствах, а всего лишь коротают время перед отъездом из командировки. Рассказы ведутся о неудачах на любовном поприще — таковы были условия уговора. Исповеди «Антидекамерона» иногда смешны, порой грустны или чуть- чуть нелепы, а влетаются они в историю несбывшейся любви двоих, разлученных на долгие годы.

Вениамин Кисилевский

АНТИДЕКАМЕРОН

Александр Хавчину

1

Когда-то Дегтярев любил командировки. Любил пеструю сутолоку вокзалов, если дорога ему предстояла дальняя, чаще всего в Москву, на какое-нибудь совещание или иное сборище, коих в былые времена проводилось несчетно, с непременно финишными застольями, игриво именовавшимися «неофициальной частью», в лихой компании раскрепостившихся коллег. Любил проветриться, расслабиться в служебном автомобиле, снисходительно поглядывая на периферийные красоты и убожества, покуривая, пошучивая с услужливым водителем. Областные вояжи, конечно, уступали столичным по чину и размаху, зато искупалось это должным привечанием высокого гостя местными эскулапами, воздаваемыми почестями и ощущением собственной значимости. Вольно ему было казнить или миловать, встречавшие знали это, старались

угодить ему, не настраивать против себя, а уж если прибывал он по делу конфликтному, нехорошими последствиями грозившему — только что на руках не носили.

Но предпочитал все-таки дальнюю рельсовую дорогу. Правилось ему неспешно, солидно взойти в свое временное купейное обиталище, устроиться на обязательной нижней полке — а в последние годы неизменно в удобном СВ обосновывался, — потомиться в предвкушении нетягостного безделья, размеренности замкнутого колесного бытия, когда все его заботы ограничивались дорожным пропитанием да, если пожелается, общением с ниспосланными ему случаем попутчиками. Захочет — поспит, захочет — почитает или просто поглазеет в окно неутомленными глазами, о своем помыслит. И всякий раз — почти детское ожидание чего-то нового, неизведанного, вдруг поворотного. Негаданной встречи какой-то, особенности. Бывали порой накладки, если соседями оказывались беспокойный младенец, голосащий в ночи, крепко перебравший хмельного назойливый мужик или какой-нибудь нечистоплотный тип, но в большинстве поездок ему везло, катил безмятежно, в свое удовольствие, нередко в компании милых женщин; с одной из них он грешным делом даже продлил в той же Москве приятное знакомство. А главное — никому тут не ведомо было, что он врач,

никто не приставал к нему, не дергал, не хотел от него чего-то. И телефона в вагоне не было — ни утром, ни днем, ни — что милей всего — ночью. Благодать.

Но это когда-то. Теперь же все больше удручала Дегтярева необходимость ломать привычный уклад, лишаться своей постели, своего душа, туалета, существовать неизвестно где и с кем, приспособливаться к ненужному, неудобному. Все многократно обострилось, когда нелады с желудком начались и поясница любое неосторожное движение хищно караулила, — каждая такая поездочка проблемой делалась. И он всеми правдами и неправдами старался избежать этой командировочной мороки. Благо времена теперь иные настали, Москва другой планетой сделалась, а он, Дегтярев, выбрался на уровень, когда за редкими исключениями уже не его посылали, а он посылал, мог выбирать. Покидал город лишь по крайней необходимости.

Об этом и думал Лев Михайлович, главный врач крупной городской больницы и главный областной анестезиолог, сидя рядом с водителем в белой больничной «Волге» и без интереса глядя на отощавшие, прохудившиеся деревья вдоль дороги, на тянувшиеся за ними изъеденные частыми дождями и ночными заморозками поля, на попадавшиеся изредка неказистые строения, такие

же облезлые и унылые, на просевшее небо, темное и драное. Осень в этом году поторопилась, в августе уже заявила о себе нелетним хмурым ненастьем, а сейчас, в октябре, ветреном и холодном, больше походила на раннюю зиму, никакой надежды не оставляя. Но не только беспросветность вокруг портила Дегтяреву настроение, хватало и других причин. Ехать предстояло долгонько, больше двух часов, а клятый радикулит напомнил о себе еще ранним утром, и с каждым проглоченным десятком километров давал о себе знать все настойчивей, грозя превратить остаток пути в сплошное мучение. В районной больнице, куда направило его областное начальство, ждала Дегтярева тягостная разборка. Тем более тягостная, что тамошний главный врач, Боря Хазин, был его однокашником и давним приятелем.

Случай был — хуже не придумаешь. Умер больной от вливания несовместимой крови, за такую провинность, и поделом, карают нещадно, и как-либо спустить дело на тормозах не удастся. Не снести было головы всем причастным к этой нехорошей истории, Хазину, скорей всего, тоже — на него, упрямого и вспылчивого, давно уже точили зубы в Областном министерстве здравоохранения. В прошлом году уцелел тот лишь благодаря титаническим усилиям его, Дегтярева,

едва ли не вымолившего у министра снисхождения к Боре, не сдавшему вовремя какой-то ерундовый отчет. А Боре до пенсии еще полтора года. Пусть и петушится, что не держится он за свое главенство, каждый день душу ему выматывают, основное ремесло свое знает, руки не из задницы растут, пойдет рядовым хирургом, во всех отношениях выиграет. И злился Дегтярев на остолопов, загубивших больного, злился на Хазина, допустившего такой бардак в своей больнице, злился на себя, знавшего, что не сумеет разобраться с дружкой, как тот того заслужил. Хотя, сам главный врач, понимал Дегтярев, что прямой вины Хазина нет — наверняка у него и занятия по гемотрансфузиям проводились, и семинары, и все это отражено в больничной документации с положенными датами и росписями. Не может ведь руководитель тенью ходить за каждым олухом. Или даже не олухом — бывают такие роковые стечения обстоятельств, что никакому здравому смыслу не подвластны, объяснений не имеют. И нет гарантии, что завтра, не приведи Господь, такая же беда не случится в его, Дегтярева, больнице.

А еще знал, что смущает, лишает его покоя Лиля, сидящая на заднем сиденье. Сестричка Лиля Оболенская, из-за которой почти два десятка лет назад совсем потерял он голову и столько дров наломал. Только теперь она не сестричка и не Лиля

— Лилия Петровна и вряд ли Оболенская, врач Областного Центра крови, и он сегодняшним утром, впервые за много лет увидев ее, не сразу узнал в полноватой желтокудрой даме прежнюю тоненькую, русоволосую, ясноглазую девушку. Скорей даже не девушку, а девочку, мало походила она на дипломированную выпускницу медучилища, школяркой казалась.

Он, Дегтярев, когда появилась она в его отделении, подсадовал, что прислали ему такую пигалицу. Но по-мужски отметил, что девчушка она симпатичная, милая той тихой девственной красотой, которая должна тревожить, сна лишать пацанов-одноклассников, в беспокойных снах им являться. Но и в снах вряд ли могла она будить приглушенные днем мальчишеские желания — слишком высоким и чистым был ее лоб, доверчивы синие глаза и по-детски нежен голосок. Не то что обидеть, боль причинить — даже просто неучтиво заговорить, какую-либо бестактность по отношению к ней допустить казалось чуть ли не кощунством. Такие светлые тургеневские девушки уже и в те далекие годы почти все повывелись, считанные сохранились. Для обожания сохранились, для поклонения, для восторженно-неумелых юношеских стихов. Когда мнится счастьем неземным лишь руки ее коснуться, ответный взгляд ее заслужить, и кажется вздорной

сама мысль поведи себя с ней как с обычной девушкой, женщиной, покуражиться. Не только ее прыщавым сверстникам, но и вызревшим ушлым парням. И, словно и это задумывалось кем-то свыше, имя ей дадено было такое же нежное, ласковое, донельзя подходило ей.

Ее полудетское очарование Дегтярев отметил сразу, но никакого мужского интереса к ней не испытал. Да и какой мог возникнуть интерес к этой пичужке у него, сорокалетнего отца двух девчонок, старшая из которых почти ровесницей ей была? Главным врачом он тогда еще не был, заведовал анестезионно-реанимационным больничным отделением, и первая мысль, когда увидел Лилю, была о том, что проблемы у нее будут с работой. Служба у них нерядовая, связана с постоянными стрессами и немалыми физическими нагрузками, порой такого предельного напряжения требует, что и мужику не всякому под силу. Сестер в отделении не хватало, большие сложности были с ночными дежурствами, обрадовался он, когда позвонили ему из отдела кадров, сказали, что пришлют сейчас выпускницу училища. Предпочел бы он, конечно, работницу с опытом, чтобы можно было сходу к делу приспособить, не возиться с ней. Выбирать, однако, не приходилось, и на том, как говорится, спасибо. Но все же трепыхнулась в нем мыслишка отправить эту былиночку-тростиночку назад в

кадры, потерпеть еще, пока не сыщется кто-нибудь более подходящий.

— Ты хоть представляешь себе, чем здесь придется заниматься? — спросил у нее. — У нас день и ночь пахать нужно, не пофилонишь.

— Представляю, — дрогнула пушистыми ресницами. — Я сама сюда попросилась.

— Ну-ну, — хмыкнул Дегтярев. — Найди Анну Никитичну, это наша старшая сестра, пусть тобою займется.

К его приятному удивлению, оказалась Лиля хорошим работником. Понятливая была и внимательная, быстро обучалась. Более того, оказалась она неожиданно выносливой, без видимой усталости самые долгие и трудные операции выстаивала, никогда не жаловалась, и руки у нее были не крюки. Обладала она еще одним нужным, особо в их профессии ценящимся качеством — благотворно влияла на своих немощных подопечных. И не только мужского пола. Тяжелые послеоперационные больные, даже лишь недавно отошедшие от наркоза, старались улыбнуться ей, не стенать громко и не капризничать. Полгода не прошло, а Лев Михайлович предпочитал уже брать ее помощницей на сложные, непредсказуемые операции, знал, что во всем может на нее положиться, не проморгает она и не замешкается.

Но всего удивительней, что остальные сестры, ревниво следящие, чтобы шеф не уделял кому-то из них больше внимания, — так уж издавна повелось в любом замкнутом медицинском коллективе, где большинство составляют молодые и незакомплексованные женщины, — не покусывали юную негаданную фаворитку. Изошренно и будто бы добра ей желая, как умеют это лучше всех лукавые медички. Сестры в его отделении были почти все вполне еще амурного возраста и не одна из них не прочь была бы полюбезничать с моложавым симпатичным завом. Что показательно — и суровая, взыскательная старшая сестра Никитична, спуску никому не дававшая, благоволила к Лиле, не отрывалась на ней. А Льву Михайловичу, и он не скрывал этого, Лиля Оболенская в самом деле пришлась по сердцу. И как человек, и как сотрудница. Опекал ее, похваливал, даже изредка, в радужном настроении, называл доченькой. И, если откровенно, с удовольствием заимел бы такую славную дочь, светлую и улыбчивую, не в пример его собственным, с характерами очень непростыми. Но уж никак не видел в ней женщину, объект для ухаживания, оболщения. И это он внушил Лиле, что надобно ей расти, учиться дальше, не пренебрегать своими способностями и возможностями. Это благодаря ему стала она

заочно учиться на биологическом факультете, обретать высшее образование.

Личная жизнь Лили его мало интересовала, хотя были все основания полагать, что мужским вниманием она не обделена. В том числе у мужской части врачебного персонала больницы, особенно хирургов. Когда он в операционный день прибывал с Лилей в хирургическое отделение для дачи наркоза, молодцы сразу оживлялись, острили, заигрывали с обворожительной сестричкой. Не однажды случалось видеть Льву Михайловичу, как провожал кто-нибудь Лилию утром на дежурство или встречал после работы. И совсем молоденькие ребята, и постарше. Особенно настойчив был один, крупный, смуглый, скуластый парень, частенько карауливший Лилию у больничных врат. Никогда Дегтярев не позволял себе подначивать ее по этому поводу, вообще касаться этой темы. Впрочем, насколько он мог судить, ни один из них не преуспел. К слову сказать, все Лилины ухагеры, которых случайно выпало Дегтяреву увидеть, ему не понравились. Лиля, на его взгляд, заслуживала лучшего.

Он, наверное, был последним в отделении, кто заметил, что Лиля к нему, по выражению афористичной Никитичны, неровно дышит. Примечал, конечно, и жалобные взгляды ее, и то, как розовеет она, когда обращается он к ней, как

радуется, если берет ее с собой на операцию, но фривольного, личностного значения этому не придавал. Потому, прежде всего, что давно привык уже к кокетливому обхождению своих сестричек, к тому же, повторяясь, как женщина она для него не существовала, не из той она была оперы. Вскоре, однако, не замечать преобразившегося Лилиного отношения к нему сделалось невозможным, слепым и глухим надо быть. Это, Дегтярев не сомневался, было уже не просто уважение и почитание — нечто большее. Был он вполне зрелым и опытным мужиком, чтобы оставаться в неведении. И сие «нечто» очень его встревожило. Прочувствовал он, что не блажь это и не прописное увлечение девочки зрелым мужчиной, что сплошь и рядом случается, тем паче если объект этот — ее начальник. Верней, не просто начальник, тогда все было бы проще и объяснимей, а учитель, наставник. Непостижимый и вечный комплекс. Так вызревающие школьницы всем классом влюбляются в своих преподавателей, зачастую типов совсем заурядных.

Встревожился он потому, что ни к чему это было и не к добру, лишь всему во вред, прежде всего работе. И жаль было безоглядно втюрившуюся девчонку, несовременно, он давно уже пригляделся к ней, искреннюю, чистую. Этого только не хватало. Ему и ей. Началось, точнее продолжилось это воскресной ночью, в их

совместное дежурство. В гинекологию привезли пожилую женщину с сильным кровотечением, было принято решение пойти на оперативное вмешательство, Дегтярева позвали давать наркоз. Операция непредвиденно затянулась, наркоз шел трудно, в довершение ко всему была женщина тучная, с сердечным пороком и обломным кровяным давлением, намучились они с Лилей изрядно. Когда, к счастью, все успешно завершилось, вернулись они в свое отделение, решили взбодрить себя чайком. Лиля вызвалась сама все приготовить, вскоре заявила к нему в кабинет с чашками и бутербродами. Было это в порядке вещей, ему и раньше доводилось чаевничать по ночам и с Лилей, и с другими дежурными сестрами, ни о каком посягательстве на субординацию тут и речи не было. Уселись за журнальный столик в углу, специально для таких целей Дегтяревым приспособленный, он сделал первый желанный глоток, истомно потянулся, сказал ей:

— Что, доченька, досталось нам сегодня?

Лиля как-то странно взглянула на него, запыхала — она всегда краснела легко и быстро — и еле слышно произнесла:

— У меня к вам просьба, Лев Михайлович. Пожалуйста, не называйте меня доченькой.

— Тебе это неприятно? — вскинул он брови.

— Я не хочу быть вашей доченькой, — выделила последнее слово.

Он мгновенно уразумел, что ответ этот с двойным или даже тройным дном, попытался отшутиться:

— Тебе было бы стыдно за такого отца?

— Вы ведь и так все про вас и про меня знаете, я же вижу, — опустила веки.

Он, чтобы его замешательство укрылось от нее, преувеличенно сосредоточился на поглощении чая, в лицо ей не глядел, в поле своего зрения оставив лишь ее стиснутые руки, маленькие и нежные как у ребенка, но по-женски красивые, ухоженные. Сейчас нужны были всего одна-две фразы, емкие и вразумительные, которые бы раз и навсегда все расставили по местам, не обидели ее, отрезвили. Чтобы могли после этого нормально общаться — он, в отцы ей годящийся, зав отделением, где она работает, и она, глупенькая девчонка, вообразившая себе невесть что. Сказал ей, недвижимо застывшей:

— Не надо портить наши отношения. Не выдумывай меня. — И, мгновенье назад не подозревая, что скажет ей это, добавил: — Иначе нам лучше расстаться.

Лиля молча поднялась и вышла из кабинета. А он долго еще сидел, вертя в пальцах опустевшую чашку, размышлял, верно ли себя повел, не

перегнул ли палку. Все-таки должен был найти какие-то другие слова, добрые, отеческие, ведь совсем девчушка она, тут не топором бы, а тончайшим, осторожным скальпелем. Возможно, у Лили это первая любовь, пусть и такая несуразная, сомнительная, но именно поэтому требовавшая еще большего внимания и понимания, чтобы беды не натворить. Как если бы в самом деле была она его доченькой. Разве застрахованы его дочери, взбалмошные девчонки, от подобной истории? Легко ли им будет, если так же небрежно и холодно отнесется к ним обожаемый человек? Захотелось даже вернуть ее, успокоить. Но тут же погасил в себе это желание, доверившись старой врачебной истине, что рана скорей заживает, если не трогать ее руками и поменьше обращать внимание.

Вскоре он убедился, что решение принял верное. Оба они, как сговорившись, вели себя так, словно ничего между ними не произошло, не было того чаепития воскресной ночью. Дни шли за днями, в радостях и печалях, в заботах больших и малых, более удачные и менее, обычная и привычная жизнь, больничная и не больничная. Единственно, о чем позаботился Дегтярев, — составил график на будущий месяц так, чтобы их ночные дежурства не совпадали. На всякий случай. И по возможности старался не оставаться с Лилей наедине. Все же отчего-то чувствовал себя

виноватым, хоть и не знал толком, в чем она, эта его вина, заключается.

Сдвинулось что-то на очередной утренней планерке, спокон веку звавшейся «пятиминуткой» и надолго затягивавшейся порой, когда не все ладно было в его отделенческой вотчине. Все было как всегда: отчет за минувшее ночное дежурство, состояние тяжелых больных, план работы на новый день. Лиля появилась в кабинете позже остальных, пришлось ей занять единственный свободный стул неподалеку от дегтяревского стола — обычно старалась она пристроиться где-нибудь подальше. Сидела, облаченная в голубую больничную униформу — курточку с короткими рукавами и брючки, — примерно сложив руки на коленях и глядя в пол. Слушая дежурившего врача, Дегтярев краем глаза поглядывал на ее слегка курносый профиль под высоким накрахмаленным колпаком, на оголенные руки. И обратил вдруг внимание, какие они у нее красивые, словно впервые увидел. Алебастрово белые, точно и не знойное лето на дворе, туго обтянутые молодой атласной кожей. Даже не коснувшись их, легко было догадаться, как нежны они и упруги. Поймал себя на коварном желании провести по ним ладонью, задержать в ней точеные Лилины пальчики. И настолько сильным, чувственным было это желание, что сам поразился. А она вдруг коротко посмотрела на него и

порозовела, словно каким-то непостижимым образом проникла в его мысли. И тут же снова опустила глаза.

А ночью она приснилась ему. В безумном эротическом сне, которые много уже лет не являлись к нему, чуть ли не со дня женитьбы. Он пробудился, содрогаясь, изумился себе, потом долго лежал без сна, до подробностей вспоминая сгинувшее виденье. Утром он столкнулся с ней в дверях, и она снова, на миг опалив его синим взглядом, залилась горячей краской. Будто и сны его были ей доступны. Тем удивительней это было, что после того разлучного чаепития минуло уже почти две недели и раньше при встречах ничего подобного с ней не происходило. Больше того — выглядела в общении с ним зажатой, непроницаемой.

С того дня и началось это наваждение. Такого с ним не было и в заполошные юные годы, вообще никогда не было. Ну, влюблялся, конечно, томился, но никогда прежде так не сжигало его желание поскорей увидеть свою избранницу, заглянуть в ее глаза, голос услышать. Казалось, все на свете отдал бы, чтобы обняла она его своими прекрасными руками, слова любви прошептала. Точно вырвалась вдруг на волю откуда-то из сокровенной его глубины дремавшая дотолле пылкая страсть, о которой и не подозревал он, не помышлял, что

вообще носит в себе. Ему стала нужна эта девочка, эта женщина, так нужна, что чем угодно рискнул бы...

Человек не импульсивный и не минутный, он искренне пытался разобраться в себе, постичь происходящее с ним. Чтостряслось, что изменилось? Почему раньше, год уже прошел, не потянуло его к ней? Отчего ее недавнее почти не скрываемое признание в любви вызвало в нем лишь одно желание — поскорей и по возможности незатратно отдалиться от нее? Не видел что ли раньше ее белых рук, ее синих глаз, едва проступавшей из-под тонкой курточки полудетской груди? Злосчастный сон разбередил? Что разбередил? Или это начался вдруг пресловутый кризис мужского среднего возраста, когда сороковник близится, всплеск гормональный? А она, Лиля, как раз вовремя и подоспела? Изводила мысль, что, захоти он сблизиться с ней, сделай он только шаг ей навстречу — и она тут же откликнется, с радостью и готовностью. Если уж решилась сама признаться ему...

И еще в одном мог не сомневаться: добром эта история не кончится. Заведись он с ней — и вскоре все отделение, а затем и больница об этом узнают, как бы ни таились они, как бы ни ловчили. Каким образом — неизвестно, но обязательно узнают, печальных примеров тому не счесть. И вообще

затевать какую-либо интрижку там, где работаешь... Сколько погорело на этом мужиков, достойных и недостойных. Не понимал он их никогда, не одобрял. И сам ни разу не позволил себе захороводить с какой-нибудь молоденькой врачешкой или сестричкой. Хотя, чего таить, нравились ему подчас, некоторые очень даже. А тут уж совсем дурно пахнувший случай — великовозрастный заведующий отделением и его медицинская девчонка-сестрица. И что ему нужно от нее? За ручку с ней ходить? В подъездах целоваться? Что невинна она еще — сто процентов. Не посмеет же он, двух уже взрослых дочерей отец, презреть ее девственность, святотатство такое совершить. Не позволит себе ломать ей судьбу. А для интрижек эта девушка не создана, за версту видать. Это, он предчувствовал, будет глубоко и сильно. Это будет страшно так же, как и восхитительно...

Он знал, что ему нужно делать. Ни единой лазейки себе не оставлял, упорно внушал себе, что не озабоченный мальчишка он и не оторва-сладоэротик. Не воспользуется он ее слабостью. Пересилит себя. Заставит вести себя с ней так, как надлежит взрослому и порядочному мужчине. Чего бы ему ни стоило. А если не сумеет, не совладеет подло, то грош ему тогда цена. Но он сумеет. На горло, если потребуется, себе наступит,

потому что иного не дано.

Придя к этому непреклонному решению, Дегтярев не отказывал все же себе в малой радости лишней раз полюбоваться на нее. Хоть посмотреть. Не однажды ловил себя на том, что ищет случай увидеть Лилю, побыть с нею рядом, заговорить. Так бросивший курить норовит, когда не вмоготу, подышать дымом чьей-нибудь сигареты, нечто сродни мазохизму. А Лиля, словно проведая о его зароке, держалась с ним ровно, без эмоций, разве что выдавал ее порой предательский румянец. Словно заключили друг с другом молчаливое соглашение.

Он зорко следил за выражением ее лица, и однажды, на утренней планерке, сразу заметил: что-то в ней изменилось. Ближе всего — прихворнула. Или дома проблемы. Пасмурная какая-то, глаза потускнели. Будто повредила звонкая струнка, прямившая Лилино тоненькое тело. И взгляд ее один перехватил — не то виноватый, не то жалобный, не разобрать было. Следовало бы поговорить с ней, может, помочь ей чем-то мог, но планерка затянулась, он опаздывал на операцию. А она сменялась с дежурства, ушла. И следующий день был у нее выходной, когда же вновь увидел ее, выглядела она обычно. Разве что показалось ему, будто тень какая-то на нее легла, света поубавилось. Ничего он у нее спрашивать не

стал, к тому же день выдался суетной, умирал больной после ампутации легкого, не до того было. И вообще остаться с ней наедине выпало ему лишь в конце следующего дня и не так, как всегда.

Привезли новый портативный наркозный аппарат, которого Дегтярев дожидаться не мог; он, когда сообщили ему об этом, поспешил в больничный склад. Распаковал, полюбовался на него, поблескивающий хромом и никелем, извлек сопроводительные документы. И тут обнаружил, что забыл в кабинете очки — с недавних пор, если читать приходилось мелкий шрифт, без них не обходился. К тому же освещение было скудное. Кладовщица куда-то ушла, оставив его одного, он по внутреннему телефону позвонил Никитичне, попросил прислать сюда кого-нибудь с его очками. Складское помещение находилось в другом конце двора, пришлось подождать. Дегтярев сидел возле ящика на корточках, перебирал запасные детали, оглянулся, услышав за спиной шаги. Это была Лиля. И он неожиданно взволновался. Оттого, наверное, что впервые оказались они наедине вне стен отделения. Ни с чем это не сопоставил, просто ощущение было тревожным.

Она подошла, отдала ему очки, присела рядом, нежно, как живого, погладила глянцевый аппаратный бок:

— Красивый какой...

А он неотрывно смотрел на ее белую гладкую руку, вдруг, как замороженный, накрыл ее кисть своею, задержал. Какое-то время ничего не происходило, они замерли недвижимо в этих неудобных позах, не глядели друг на друга. Глядели на свои сомкнутые руки. Потом медленно, точно опять сговорившись, выпрямились, оказались лицом к лицу. И трудно было сказать, кто к кому первым потянулся. Целовались жадно, иступленно, вминая друг друга в себя, изнемогая. Голова у него кругом пошла и, если бы не слышались к счастью или несчастью шаги спускавшейся к ним в подвал кладовщицы, все могло бы завершиться для обоих сокрушительно. Сделав отчаянные усилия, отпрянули, чуть отдышались. И ни звука так и не произнесли. Ни тогда, ни после, возвращаясь в отделение. Он ни о чем не жалел, ни в чем себя не упрекал. Он был счастлив. Не помнил, чтобы когда-нибудь был так счастлив. И знал уже, что никуда от судьбы не деться, так, значит, ему суждено — и будь что будет, что должно быть. Изредка они встречались взглядами, и читал он в ее волшебных синих глазах ту же нежность и жертвенность. Оставалась лишь одна проблема, извечная для влюбленных, — где уединиться им от глаз людских, чтобы натешиться, насладиться друг другом. Была, конечно, какая-никакая возможность закрыться с ней в его

служебном кабинете, хоть на малое время одним поворотом ключа избавиться от всего и вся, и желалось ему этого невыносимо, но хватило рассудка не поддаться искушению. Да и не хотел он быть с нею «малое время», принижать, уродовать это вдруг ему выпавшее счастье. Потому что знал уже и то, что встреч впереди будет много, встреч солнечных, восхитительных. Надо было что-то придумать. Опыта в подобных делах у него не имелось. Гулёной не был, но и образцовым мужем назвать его было нельзя — пусть и случайные, редкие, однако шашни на стороне за ним все же водились. Но никогда ничего серьезного, длительного — так, легкие скоротечные романчики, в большинстве в тех же командировках. И почти никогда сам не был инициатором, отвечал взаимностью — издержки профессии. Ни в какое сравнение не шло с чувством, возникшим у него к Лиле. Входя в свой корпус, он нарушил молчание, тихо сказал ей:

— Не здесь.

И она как нужно поняла его, преданно улыбнулась:

— Не здесь. — И, будто случайно, коснулась на мгновение его руки. А он от этого прикосновения едва не задохнулся...

До конца дня ни словечком больше не обмолвились, лишь, где-нибудь пересекаясь,

счастливого, заговорщицки сплетались взглядами. А после работы поехал он к Мишке Одинцову, старинному, со школы еще дружку; у того, Дегтярев знал, жена с сыном отдыхали сейчас на море. Ничего объяснять не стал, попросил на следующий вечер ключи от его квартиры. Неуклюже пошутил, что даст ему денег на кино, чтобы время скоротал.

— Обалдеть! — выпучил Мишка глаза. — Ты ли это, примерный ты наш? Что-нибудь сурьезное?

— Сурьезное, — кивнул Дегтярев.

— Вот это да! — Мишка плотоядно потер ладони. — И ты, значит, туда же! С почином тебя, Левушка! Или не с почином?

— Так дашь ключи или не дашь? — насупился Дегтярев.

— Еще как дам, — расплылся тот в улыбке. — И простынку свежую обеспечу! И свечку! Свечка тебе нужна?

— Да пошел ты! — ткнул его в бок Дегтярев. — Язык у тебя без костей!

Он едва дождался утра. Всегда старался пораньше прибыть в отделение, посмотреть, что там и как, в тот же день примчался едва ли не за час. И не удивился, обнаружив, что Лиля уже здесь, в рабочем одеянии. Выждав четверть часа, он, с озабоченным видом проходя по коридору мимо, позвал ее в кабинет. Там, с опаской косясь на дверь,

на секунду прижал ее к себе, припал к ее сладким губам, тихонько застонал, ощутив мягкую упругость ее груди. Затем протянул ей вырванный из блокнота листок.

— Это адрес? — сообразила она.

— Да, — ответил, не сводя с нее глаз. — Сегодня в семь часов. Тебя устроит?

Тут же обозлился на себя за это несуразное «устроит», виновато заморгал.

— Меня все устроит, — еще отчетливей покраснела она, быстро клюнула его в губы и вышла из кабинета...

День тянулся бесконечно, повезло, что назначены были две операции, а то бы он вконец извелся. Как-то так получилось, что с Лилей он больше в тот день не встретился, в половине шестого был дома, в половине седьмого — у Мишкиного дома. И увидел сидевшую неподалеку на скамейке Лилю. Великие конспираторы, они лишь обменялись взглядами, Дегтярев один вошел в подъезд, взбежал на второй этаж, повозился, чертыхаясь, с незнакомыми чужими замками. И снова недовольно поморщился, войдя в Мишкину квартиру. Тот, уходя на работу, даже форточки не открыл, в комнате сгустился плотный застоявшийся воздух, настоящий на асфальтовой дневной духоте. Заглянул во вторую комнату, поменьше, там дышалось еще туже, он вмиг покрылся липкой

испаринной. На покрывале широкой двуспальной кровати Мишка провокационно оставил сложенную вчетверо простыню в веселеньких цветочках. Недобрыми словами поминая Мишку, явно перебдевшего в опасениях, что заберутся к нему в дом грабители, Дегтярев распахнул в обеих комнатах окна, затем, поколебавшись немного, все же сдвинул шторы, застраховался. Существенных изменений к лучшему достичь не успел — в прихожей тихо грянула входная дверь, он поспешил навстречу.

Несчетно весь день размышляя, как встретиться ему сегодня с Лилей, он перебрал множество вариантов. Хотелось, чтобы свидание это надолго у нее осталось в памяти, не превратилось, упаси боже, в примитивную случку на чужой кровати. Чтобы все было красиво и чисто, как заслуживала того Лиля. Но, придирчиво отвергая одну возможность за другой, утвердился в решении, что все банальные и небанальные атрибуты ухажерства будут с Лилей неуместными. Даже беспроигрышные цветы, не говоря уже о подозрительном вине «для разогрева» или каком-нибудь сомнительном подарочке-колечке. Это все необходимо и уместно будет потом, не сегодня. А еще он тщательно отбирал слова, которые скажет ей, особенно первые, самые ответственные, когда окажется он с ней здесь

наедине. Все, что удавалось сочинить, не нравилось Дегтяреву, коробило — в конце концов положился на то, что в нужный момент они сами сыщутся, выплеснутся из него. Но чем бы ни занимался он в тот день, о чем бы ни думал, на доньшке сердца неотвязно скреблась сереньким мышонком, не избывала коварная мыслишка, что все-таки есть в этом что-то недостойное, нечестное, о чем еще пожалеет он или, того хуже, не простит себе. И Лиля ему потом не простит. Слишком уж много всего было тут намешано...

Но все мгновенно выметнулось из головы, едва вновь увидел ее. И слов никаких не понадобилось. Бросились друг к другу, обнялись, встретились жадными губами, затерзали друг друга. Он подхватил ее на руки, понес в спальню. Тратить время на расстилание постели не хватило терпения. И он поразился, сколько неукротимой страсти оказалось в этом хрупком девственном теле. Она сама, отстранив его слепые руки, начала сдирать с себя платье, затем все остальное; закрыв глаза, бормоча что-то невразумительное. Он, часто и шумно сопя, последовал ее примеру. Еще секунда — и белым огнем ослепило Дегтярева ее распростертое тело. И несущественным стало, что досадно потен он и разгорячен, что буквально нечем дышать в этой раскаленной комнате, что иначе мнилось ему это долгожданное свидание.

Все, кроме нее, вообще утратило смысл и значение. Хватило лишь остатков рассудка, чтобы выдавить из себя:

— Пусть все будет?

— Пусть, — беззвучно ответила она.

Но когда он крепче сжал, в сторону повел ее трепещущее бедро, вдруг вся напряглась она, задергалась, высвобождаясь из-под навалившегося на нее тела, лихорадочно забормотала:

— Нет, нет, нет...

— Что «нет»? Что? — Попытался прочитать что-либо в ее глазах, но веки ее были судорожно стиснуты и такая мука на лице, такое отчаянье, что он вдруг испугался. Выпустил ее, склонился над ней на коленях, взмолился:

— Что не так, радость моя? Ты боишься? О чем-то плохом подумала?

Она, не отвечая, соскочила на пол, принялась быстро, путаясь в крючках и складках, одеваться. Он ошарашено наблюдал, как она, тихонько подвывая, натягивает на себя сопротивлявшееся платье, сует ноги в босоножки и, не застегнув ремешки, бежит от него. Хлопнула входная дверь — и тишина обрушилась на него такая, словно во всей вселенной остался он в одиночестве...

Утром Анна Никитична подошла к нему с листком бумаги в руке:

— Черт те что, Лев Михайлович! Вот, Лиля

Оболенская сунула мне его и ускакала, я и прочесть не успела, что там. Потом гляжу — заявление об увольнении. И выглядела она так, будто всех близких своих в один день похоронила. В смену не вышла, не предупредила, кем заменить ее теперь? Не по-людски как-то. Понятно, стряслось у нее что-то, но о работе ведь тоже думать надо, не дитя малое. И вообще отработать должна сколько положено, что это за выкрутасы? Может, послать за ней кого-нибудь?

— Никого за ней не надо посылать, — хмуро буркнул Дегтярев, очень стараясь не выдать себя. — Обойдемся как-нибудь без нее. Пусть ей, раз она такая...

После Лилиного бегства больше они не виделись. И не знал о ней ничего. Разве что долетело откуда-то лет пять назад, что заведует она лабораторией в Областном Центре крови. Значит, нужный диплом все-таки получила, выучилась. И вот — эта встреча. Главный врач Центра, выходит, отчего-то не поехал с ними, послал вместо себя Лилию Оболенскую. Или не Оболенскую уже, с другой теперь фамилией, роли не играло...

Он, как созвонились вчера, заехал сначала за включенным в комиссию Кручининым, заволом хирургией из Областной больницы, потом за министерским инспектором Корытко. А возле Центра крови поджидала машину Лиля. Он не

вышел, увидел ее через боковое стекло. И сразу не узнал — наверное, от неожиданности. Все-таки пришлось сделать усилие, чтобы признать в этой плотной круглолицей женщине с выкрашенными в соломенный цвет волосами ту девчонку двадцатилетней давности. Галантный Кручинин выбрался из «Волги», усадил Лилю на заднее сиденье между собой и Корытко. Похоже, она не была предупреждена, что поедет вместе с Дегтяревым. Взгляд ее, мимолетно скользнувший по лицу сидевшего впереди мужчины, вдруг изумленно застыл, на какое-то время замешкалась. Его-то, можно было не сомневаться, узнала сразу же...

Дегтярев раздраженно посмотрел на заляпанный грязью толстый зад раздолбанного автобуса, минут десять уже неспешно дымящего впереди, резко выговорил водителю:

— Обгони ты, наконец, эту вонючую колымагу, терпения больше нет! Тоже мне, водила называется!

— Да я сам хочу, все не удастся никак, вы же видите, движение навстречу большое, — оправдался тот, непонимающе глянув на Дегтярева. Вместе работали давно, притерлись друг к другу, даже, как нередко бывает это у шефа с личным водителем, вплоть до неординарных отношений. Во всяком случае, Дегтярев никогда не разговаривал с

ним таким тоном, разве что совсем уж допекало что-нибудь.

Ныла поясница, близился час тягостной разборки с Хазиным и его остолопами, ворковал что-то, похохатывал за спиной Кручинин, развлекая Лилю, все было не так, все было плохо. Далась же ему эта Лиля! Какие проблемы? — злился Дегтярев. — Два десятка лет прошло, забыл уже он, когда последний раз вспоминал о Лиле. Ну было, было, бесследно для него не прошло тогда, но пусть это будет самым большим горем в его жизни, нашел отчего нервы портить. Что ему эта Лиля? Тем более что один на один с ней оставаться ему не придется. Побудут вместе пару часов, вернутся в город — и снова двадцать лет не увидятся, если вообще когда-нибудь увидятся. Укрощал, настраивал себя, но получалось не очень-то...

2

Предчувствие не обмануло Дегтярева, дело оказалось еще тухлей, чем он предполагал. Хуже того — получил он возможность убедиться, что, спасая свою репутацию, чтобы не сказать шкуру, люди способны на любые пакости. Люди, причем, не последние и в ущербности какой-либо прежде не замеченные. К тому же состоявшие, пока гром не грянул, в отношениях самых добрых.

До начала вливания больному компонентов крови почти все в этой нехорошей истории было понятно и, пусть и с трудом, но объяснимо. Понять бы еще только, зачем было тамошним хирургам вообще браться за эту операцию. А история была такая. У Бойко, нестарого, чуть за пятьдесят только, крепкого мужика была выявлена опухоль почки. С подозрением, что опухоль злокачественная. Сделал он все необходимые исследования, ездил из района к городским специалистам, удалось ему проконсультироваться у самого компетентного уролога. Пришли к решению, что надо оперироваться, и чем скорей, тем лучше. Бойко и сам настроен был избавиться от прицепившейся к нему напасти, тянуть не хотел. С чем и пришел в результате к здешнему урологу. Тот взялся прооперировать его, положил в стационар. С этого все неприятности и начались...

Сидели в кабинете заведующего хирургическим отделением больницы — прибывшая разбираться министерская комиссия, врачи, участвовавшие в операции, и Хазин.

— Какой у вас врачебный стаж? — спросил Корытко уролога — рыжеватого веснушчатого парня.

— Три года, — промямлил тот.

— Вы когда-нибудь самостоятельно ампутировали почку?

— Нет, — еще тише.

— Зачем же взялись тогда?

Вообще-то, вопрос этот адресовать следовало не ему, а Боброву, дородному усатому мужику, заведующему отделением. Потому что это он, Бобров, отвечает за все, происходящее у него в отделении, назначает и отменяет оперативные вмешательства. Кроме того, Бобров сам участвовал в этой операции и, следовательно, с него и спрос иной, чем с его молодого и приткого ординатора.

Но все эти вопросы и расспросы принципиального значения уже не имели — картина и без того была ясна. Минувший час Дегтярев, Кручинин и Корытко провели за изучением истории болезни, а Лиля в больничной лаборатории делала пробы на совместимость крови Бойко с вводимыми ему средами — все-таки виновники трагедии, заметая следы, не рискнули выбросить хранимые после вливания больному контейнеры с остатками эритроцитарной массы и плазмы. Зато записи о ходе операции и послеоперационном периоде наверняка подделали, хоть и внешне подкопаться было не к чему, сработали умело. Но хватало опыта и у Дегтярева, и у Кручинина, чтобы усомниться в истинности написанного. Не хватало лишь разума постичь, как могли так оскандалиться и Бобров, не чета юному урологу Лукьянову опытный и знающий

хирург, и толковый, с немалым стажем анестезиолог Глинский. Зачем, кроме всего прочего, пошли они на поводу у того же Лукьянова и Бойко.

Бойко, когда худшие опасения подтвердились, заявился к Лукьянову и сказал, что оперироваться желает в своей, местной больнице, — дома, мол, и стены помогают, да и семья всегда рядом. Лукьянов, зная, что у того направление на операцию в Областной онкологический диспансер, сначала будто бы отказывался, но Бойко настаивал; и Лукьянов, посоветовавшись с Бобровым, дал согласие. Порешили, что сами управятся, ход операции представляли, надо лишь для большей уверенности почитать кое-какую литературу и посидеть над анатомическим атласом — с удалением почки раньше не связывались. Была, возможно, еще одна причина, почему договорились они с Бойко, и Дегтярев догадывался, какая, но об этом даже спрашивать было непристойно. Больше местных эскулапов беспокоило, что Бойко оказался носителем самой редкой, уникальной резус-отрицательной четвертой группы крови. Понимали, что такая операция будет сопровождаться обильной кровопотерей, возместить ее очень непросто. И почти две недели занимались тем, что собирали для Бойко эритромассу и плазму крови, каждодневно звонили

в Областной Центр крови, в дальние и ближние отделения переливания крови, искали доноров. Их усилия увенчались успехом, ко дню операции в холодильнике хранились литр эритроцитов и полтора литра плазмы, за восполнение кровопотери можно было не беспокоиться.

Вот тут-то и подстерегал их самый большой облом. Как такое могло случиться, в голове ни у кого не укладывалось. Роковая ошибка, непростительная не только для опытных специалистов, но и для зеленых новичков. Вообще для человека не из леса. И прежде всего за это головы следовало бы снести всей провинившейся троице. У Бойко, как потом уже выяснилось, оказалась не четвертая группа крови — третья. А что четвертая она у него, свидетельствовала бумажка, привезенная Бойко из онкологического диспансера, где лежал он перед тем на обследовании. И ни лечащий врач его Лукьянов, ни готовящийся вести наркоз Глинский не удосужились перед операцией перепроверить его группу крови, просто переписали в историю болезни данные с этой бумажки. А Бобров, за что и винить-то его нельзя, не поинтересовался этим — для него само собой разумелось...

— Ну, как бы допустим, — терзал Лукьянова Корытко, — допустим, что вы вняли просьбам больного, настаивавшего, что оперироваться он

хочет дома. Но ведь можно было пригласить из городской клиники знающего уролога, ассистировать ему, это же в порядке вещей, сплошь и рядом практикуется. Для того, в конце концов, чтобы спать спокойно. И поучиться заодно.

— Но хорошо же соперировали, — вяло защищался Лукьянов.

Тут крыть было нечем — операция, несмотря ни на что, в самом деле прошла на диво успешно. Больше того, кровопотеря, что совсем уж поразительно, была минимальная, несопоставимая с обычной при такой большой и тяжелой операции. Вполне можно было вообще отказаться от вливания и крови, и плазмы, обойтись кровезаменителями. Но продолжалась та самая чертовщина. Знали, что показаний нет, но, похоже, сработала анекдотическая расейская «практичность»: не пропадать же добру, с таким трудом добытому, припасенному. И за скудные больничные деньги купленному. К тому же ни одного резусного больного с четвертой группой крови, нуждавшегося в гемотрансфузии, в больнице не было. Хорошо еще, не всё успели ввести, оставили про запас. И решили все-таки, когда операция подходила к концу, прокапать — хуже точно не будет, тонус больному поднимет после операции, сопротивляемость улучшит. В это «решили» и уперлись лбами члены комиссии...

— Кто решил? Кто из вас тут сказал, чтобы принесли кровь из холодильника? — допытывался Корытко. Он, хоть и меньше всех разбиравшийся в клинических вопросах, взял инициативу на себя. — Не санитарка же как бы сама решила!

Бобров отвечал, что занят был операцией, убежден он, что решил Лукьянов, лечащий врач Бойко. Лукьянов отбивался тем, что никакого отношения к этому не имел, потому как, всем известно, во время операции все трансфузии входят в компетенцию анестезиолога, со всеми пробами на совместимость и прочим. Глинский, возмущенно сверкая очками, доказывал, что даже помыслить об этом не имел права, — ведь анестезиолог по закону не имеет права одновременно вести наркоз и переливать кровь. И вообще вся ответственность за ход операции лежит на ведущем хирурге, а таковым являлся Бобров. Круг замыкался. Длился этот перекрестный допрос битый час, но каждый из них твердо стоял на своем и беспощадно топил другого. Причем, что особенно неприятно поразило Дегтярева, топил откровенно, ни с чем не считаясь...

Разумеется, выяснением истины с врачами дело не ограничилось. Были еще три участника злодеяния — операционная сестра, сестра-анестезистка и санитарка, которой велено было принести из холодильника компоненты крови.

С каждой из них побеседовали отдельно, чтобы остальные не слышали. И не один Корытко — подключились все, кроме безмолвной свидетельницы происходящего Лили. Даже изощрались друг перед другом, пытаясь «расколоть» их, щегольнуть умением самого искусного следователя. Но так же безрезультатно. Санитарка, пожилая, насмерть перепуганная бабуся, всхлипывала одно и то же: сидела в предоперационной, крикнули ей, чтобы принесла фляжки, приготовленные для Бойко, она и принесла. А кто крикнул — поди разбери, еще и со слухом у нее нелады. Операционная сестра, конечно же, своей работой занималась, не до того ей было, кто и что кому сказал. Анестезистка упирала на то, что делает лишь то, что ей приказывают; да, капельницы она заполняла, вены колола, а уж кто приказал, не обратила внимания, пусть врачи сами разбираются. Круг не то что замкнулся — из непробиваемой брони сделался. У Дегтярева, во всяком случае, возникло ощущение, что, возможно, они не сговорились ни с кем-либо из врачей, ни между собой, действительно не помнят. А если кто-то и помнит, то помнит и присловье о холопских чубах, когда паны дерутся...

В конце концов, большой беды не было, что перелили больному, даже без необходимых на то показаний, кровь, — особого вреда ему тем не

причинили бы. При условии, понятно, что кровь совместимая. В не такие уж давние еще времена делали это нередко, надеясь больного «стимульнуть». Беда, беда непоправимая и непростительная была в другом.

— Ну, хорошо, — поморщился Дегтярев, когда вернули в кабинет врачей, — мы уже поняли, что узнать, кто сказа «мяу», вряд ли удастся. А как вы вели себя тут, пусть на вашей совести остается и ваш главный врач разбирается с этим. У меня другое в голове не укладывается. Как можно было не определить больному, да еще такому больному, группу крови? И когда клали его в стационар, и перед операцией? Как можно было слепо довериться какой-то бумажке?

— Не какой-то, — буркнул Лукьянов, — из вашего областного диспансера.

— Прекратить! — сотряс кулаком стол Корытко. — Совести нет! Стыда как бы нет! На хрена ты такой нужен здесь тогда? А там такая же дурья башка сидела, я еще разберусь!

— Не в чьей-то дурьей башке дело, — вмешался Кручинин. — Что, никому здесь не известно, что каждую — каждую, доктора! — ампулу крови нужно перед вливанием проверить на совместимость с кровью больного? Даже если этикетки наклеены, что взято у одного и того же донора! Если не известно, надо закрывать вашу

больницу.

— И главного врача в сторожа! — поддал жару Корытко.

Хазин, посчитавший за лучшее все это время помалкивать, тихо крикнул.

— Мочу у больного на следующий день брали? — продолжил Кручинин.

— Брали, — промямлил совсем уже сникший Лукьянов. — В историю болезни вклеено, там дата есть.

— Вклеено! — передразнил Корытко. — Ловкость рук и как бы никакого мошенства! Вы тут, как я погляжу, что угодно вклеите!

Дегтярев тоже не уверен был, что анализ этот не прилепили задним числом, но склонен был поверить. Знал то, о чем не ведомо было Корытко: если несовместимая кровь больному переливается под общим наркозом, реакции может вообще не быть или клиническая картина окажется смазанной. Вплоть до того, что все обойдется без печальных последствий, и в моче на следующий день не окажется эритроцитов, свидетельствующих о такой ошибке. У этого Бойко, не исключено, процесс развивался медленно, и о начавшейся катастрофе могли в первый день не подозревать. Хуже того, операция была на почке, кровь в моче могли списать на этот счет. Историю болезни Бойко он изучил досконально, но все же спросил Боброва:

— Когда и как вы заподозрили, что влили иногруппную кровь?

Тот ответил, что первой всполошилась дежурная сестра, заметившая, что делается всё красней собираемая в бутылку моча. И только когда у Бойко стало падать давление и боли в костях начались, зародилось сомнение, не связано ли это с вливанием крови. Срочно отдали его кровь в лабораторию, где и определили, что кровь у него третьей группы. Забили тревогу, доложили главному врачу. С этой минуты и начались у Хазина проблемы, которые теперь ему боком выйдут. Потому что прекрасно знал Хазин: о таком ЧП нужно немедленно сообщать. И в Областной Центр крови, и в министерство. А он не сделал этого, пожалел своих врачей, думали, что вытащат больного сами, никто не узнает. Упустили время, лишь через два дня, убедившись, что все их старания тщетны и больной погибает, повезли Бойко в город, подключили к искусственной почке, но тот скончался к вечеру того же дня...

Последние полтора часа Дегтярев провел стоя или расхаживая по комнате — свирепевший радикулит сидеть не давал, вгрызаясь в тело и стреляя в ногу. Выйдя покурить, проглотил, чтобы никто не заметил, две таблетки прихваченного с собой палочки-выручалочки индометацина, чуть полегчало, но потом вновь дал о себе знать

притаившийся ненадолго лютый враг. Он подошел к окну, иссеченному разохотившимся дождем, смотрел на чахлый больничный двор, по которому ветер гнал скукоженные листья, думал о том, что скоро стемнеет, пора возвращаться домой, пока совсем его не скрутило. От мысли, что придется еще два часа сидеть и терпеть в трясущейся машине, того больше портилось настроение. Мелькнула идея, что не худо бы перед отъездом попросить Борю сделать ему поясничную новокаиновую блокаду, в другое бы время так и поступил, но сейчас почему-то не казалось это удобным, сопротивлялось изнутри. Если бы еще не Лиля, не все остальные... Слышал за спиной скрипучий голос Корытко, добивавшего нерадивых врачей, думал и о том, что зря уже переводятся слова, все и так предельно ясно, больше тут делать нечего. Акт написать можно и дома, потом, прежде чем отдавать в министерство, переслать сюда, чтобы Хазин подписал все экземпляры и вернул. И кропать этот акт придется ему, Дегтяреву, и оттого, как сочинит он его, во многом будет зависеть Борькина судьба. Которому надо бы не министерское судилище устраивать, а по шее накостылять, чтобы не строил из себя исусика, не покрывал своих врачей, пауков в банке. Те, в конце концов, отделаются выговорами, ну, врачебную категорию понизят, а у Борьки вся жизнь может под

откос пойти. И не факт, что дадут ему возможность остаться здесь даже рядовым хирургом, варианты не исключены самые тягостные. Хоть в самом деле в сторожа иди, как сострил Корытко. Если еще родственники Бойко в суд не обратятся — нынче все грамотными стали, телевизионных передач насмотрелись, — тогда вообще кранты...

Желудок тоже безразличным не остался, напоминал о себе. С самого утра ничего не ели. Может, потому и негодует так сейчас Корытко. В прежнее бы время, не приедь они сюда по такому случаю, все было бы обставлено в лучшем виде. Хазин в таких делах знает толк. Когда он, Дегтярев, приезжал один — ехали к Борьке домой, жена его такой стол накрывала — вспоминать радостно. Он, Дегтярев, ко всему прочему, был свидетелем на их свадьбе, столько лет ведь дружили. Если же, было не раз, прибывал сюда Дегтярев с кем-нибудь еще, кормил Хазин гостей у себя в кабинете, где его ушлые секретарша и главная сестра так все обустроивали, что не каждый ресторан сравнится. Они сегодня здесь уже почти три часа, а бедолага Хазин не рискует предложить им хотя бы чайку попить, опасается, что неверно поймут его...

И, конечно, подбрасывало дровишек в огонь, что столь длительное время пребывает он здесь вместе с Лилей, Она, вернувшись из лаборатории, вручила Корытко исписанный листок, села в

дальнем углу и ни слова не произнесла. Хватало у нее, не врача по диплому, ума не встревать в обсуждение. А он, Дегтярев, старался не смотреть в угол, где она пристроилась. Похоже, и она избегала встретиться с ним взглядом — несколько раз, когда он все же не совладал с собой, бегло посматривал в ее сторону, то замечал, что сидит она по-ученически прямо, уставившись в пол. Колени сжаты, руки на коленях, как двадцать лет назад на отделенческой планерке. А он краем глаза отметил, что и колени-то у нее теперь другие — полные, округлые, колени зрелой женщины. А руки всё так же красивы — мраморно белые и гладкие, словно лишены были жил и вен. Лишь однажды взгляды их встретились, оба сразу же отвели их, но успел он заметить, как загорелось ее лицо — от этой девичьей напасти так и не избавилась. И хватило ему этого недолгого мига, чтобы высмотреть в ее глазах то же не то виноватое, не то жалобное выражение...

Чего привязался к ней? — досадовал на себя Дегтярев, глядя на маленькую старушку, семенящую через двор, накрывшись газетой. Такая Лиля, не такая — что это меняет? Какое вообще ему дело до нее? Если бы у них в тот вечер хотя бы свершилось все, еще бы куда ни шло. Так ведь не было ж ничего. Не изменил он что-либо ни в ее судьбе, ни в собственной, ничего не должен ей. Из

отделения она тоже сама ушла, не в чем ему винить себя. Причем нехорошо ушла, нечестно, не пожелав даже объясниться с ним, попрощаться. Если уж кому обиду держать, так это ему, не Лиле. И правильно он настраивал себя, когда ехали сюда. Перебудет тут с ней, вернутся в город — и еще двадцать или сколько там лет не увидятся, если пошлет ему Господь такую долгую жизнь. Мало ему здесь проблем, не доставало только сейчас Лилей голову себе морочить... Пора заканчивать эту бодягу. Решительно повернулся к ним, сказал:

— Ладно... — И охнул, не договорив. От этого неосторожного движения раскаленным дротом прожгла поясницу нестерпимая боль. Так и остался полусогнутым, хватая ртом воздух.

Первым о том, чтостряслось с ним, сообразил Хазин, знавший о дегтяревской хворобе. Подбежал, поддержал, прошелся кулаком по его хребту в надежде вправить зловердный позвонок, уменьшить боль. И, повезло, это ему случайно почти удалось — во всяком случае, скрутило уже не так сильно, сумел Дегтярев распрямиться.

— Пустяки, — изобразил Лев Михайлович улыбку, — корешки вдруг взбунтовались, сейчас все пройдет.

— Не пройдет, — мотнул головой Хазин. — Эта зараза если прицепится... — И не заметив, что перешел на «ты», продолжил: — Куда ты такой

поедешь? Хочешь, чтобы в дороге прихватило, как в тот раз? Сделаем тебе электрофорез, потом блокаду, там поглядим. На второй этаж сам подняться сможешь?

Ответить Дегтярев не успел — в дверь постучали, в образовавшуюся щель просунулась голова водителя:

— Я извиняюсь, Лев Михайлович, езжать надо. У меня дальний свет не работает. Не пойму, что с ним вдруг приключилось. Повозились мы тут с ребятами в гараже — всё без толку. Стемнеет скоро, а тут еще погода такая...

— Подожди, — нахмурился Дегтярев.

В сомнении поглядел на закрывшуюся дверь, прикидывая, как быть дальше. Хазин не зря напомнил о том, как в прошлом году пришлось ему с дороги вернуться, потому что убедился, проехав с десяток километров, что до города в машине не высидит. Будь он здесь сейчас один, вопросов бы не возникало. Остался бы у Борьки ночевать. Или поступить все-таки, как тот предлагает, а остальные пусть уезжают? Почему-то еще больше испортилось настроение оттого, что Лиля всему этому свидетельница. Удручало, что видит она его таким, чего уж там, постаревшим, недужным...

— То есть как это не работает дальний свет? — дернул бровями Корытко. — Хорошенькое дело, как же мы поедem? Почему вы, Лев

Михайлович, не позаботились, чтобы машина была в исправности? Тем более как бы приступ у вас, отъезд может затянуться. — И Хазину: — Прикажите, чтобы готовили машину отправить нас. Только без дефектов, надежную.

— Прикажу, — кивнул Хазин, — только из надежных у меня один фургончик, сейчас узнаю, на месте ли.

Потянулся к телефонной трубке, но Корытко опередил его:

— Я в этом вашем гробу не поеду, плохо переношу дорогу, укачивает меня, вестибулярный аппарат неважный. Как же вы так поставили дело, что нет у вас ни одного путного легкового автомобиля? Чем вы тут занимаетесь?

— Это не я, это вы так поставили дело, — потемнел Хазин. — Ни запчастей, ни денег, чтобы купить, выкручивайся, как можешь. А занимаюсь я тут, Степан Богданович, тем, что удивляюсь, как вообще старье мое на ходу и вообще все в больнице не развалилось. Понимаете? Спрашивать легче всего!

— Остынь, — попытался урезонить его Дегтярев, видя, как тот заводится, и по опыту зная, во что это может вылиться. — Я, пожалуй, в самом деле останусь пока здесь, а они, думаю, успеют добраться до города засветло.

— А если не успеем? — не угасал Корытко.

И тут вдруг комната озарилась космической белой вспышкой, а вслед за тем так гроыхнуло, что звякнула на столе телефонная трубка. И дождь, прежде заведенно, скучно творивший свою долбежную работу, разъярился, зашипел, обрушился на притихшую землю гулким сплошным потоком.

— Ни фига себе! — присвистнул Кручинин. — Боюсь, это надолго. Развезет тут ваши веселенькие дороги, не то что в фургончике — на тракторе не выберешься. А поездом в ближайшее время можно отсюда убыть?

— В половине одиннадцатого будет проходящий московский, — пожал плечами Хазин, — раньше в вашу сторону ничего.

— Это ж когда мы в городе будем?

— Около часу ночи.

— Поздновато, — хмыкнул Кручинин. — Но по крайней мере без приключений. Если других предложений нет, я позвоню в свою больницу, чтобы дежурную машину подослали к нашему поезду, потом всех по домам развезли. — Вы как? — обратился к Лиле.

— Я как все, — зарделась она. — Обо мне не беспокойтесь, пожалуйста.

— Выбирать, вижу, как бы не приходится, — беспросветно вздохнул Корытко, давая понять, что ничего другого от здешних недоумков и не ждал. —

А буфет хоть какой-нибудь в этой больнице есть? А то мы до вашего поезда вообще ноги протянем.

— Не протянете, — вмешался вдруг Бобров. — Если у вас больше нет к нам вопросов, можно было бы... — С надеждой глянул на Хазина: — Я позвоню Кузьминичне? Пока Льву Михайловичу помогут, она бы все приготовила.

Кто такая Кузьминична, Дегтярев знал, гостевать у нее доводилось. Знал даже, что она какая-то родственница Боброва. Хозяйничала в небольшом пансионате на берегу реки, и там частенько завершали всякие мероприятия прибывшие в район сановные визитеры. И помещение для этого там имелось подходящее, и привечать умела оборотистая Кузьминична. По полной программе. И загулы там, это для него тайной тоже не было, бывали такие, что земля ходуном ходила.

— Решили, едете поездом? — спросил Хазин.

— Надеюсь, вы сумеете договориться с вашим железнодорожным начальством, чтобы нам в где-нибудь тамбуре отираться не пришлось? — снова вздохнул Корытко.

— Не проблема, я обо все позабочусь, — успокоил Бобров.

— Давай, Гена, займись всем этим, — попросил Хазин. — Вы, наверное, захотите домой позвонить, предупредить, вот телефон, а мы пока с

Львом Михайловичем немного подлечимся.

Дегтярев, стараясь держаться прямо и улыбаться иронически, отстранил изготовившуюся поддерживать его Борину руку и двинулся к выходу. Подозревал, что нелегко ему дадутся ступеньки на второй этаж, но худо-бедно обошлось. Лежал на кушетке, доверившись хлопотам сестрички из физио-процедурного кабинета, потом терпел, когда Хазин обкалывал новокаином его настрадавшуюся поясницу. Осторожно, боясь спугнуть притихшую боль, встал на ноги, прошелся по комнате, наслаждаясь обретенной легкостью. Вот так мы, человеки, устроены, — ухмыльнулся про себя. — Еще недавно судьбоносным, жизненно важным казалось все, связанное со смертью Бойко, с Бориными проблемами, с этой нечаянной встречей с Лилей, а прихватила боль — и ничего, кроме желания избавиться от нее, не осталось. Ну, почти не осталось. И суеверно не стал радоваться исцелению — неведомо было, как поведет она себя в дальнейшем: помилует или, забитая сейчас новокаином, снова пробудится.

— Не вышагивай, полежи еще немного, — сказал Хазин.

— Пойдем, не надо твоих паучков надолго оставлять с Корытко наедине, — ответил.

Опасался, что Боря, возвращаясь, заведет речь о перспективах истории с Бойко, но тот заговорил

вдруг о своей кошке, родившей пятерых котят, и куда их теперь девать, неизвестно. Будто ничего существенней для него сейчас не было. И лишь подходя уже к бобровскому кабинету, туманно изрек:

— Ты уж, пожалуйста, там не очень. Я все понимаю, но все-таки...

— Договорился, нас там ждут, — встретил их Бобров. — Поехали, давно подкрепиться пора.

Добирались недолго, минут пятнадцать — комиссия на «Волге», хозяева впереди в пресловутом фургончике. Перед тем поразвлеклись немного, добегая до машин под проливным дождем. Зонты нашлись для каждого, но лихой Кручинин выделенным ему не воспользовался, пристроился со смехом под одним с Лилей и на ходу прижимался к ней отнюдь не двусмысленно, всю облапив. Лиля заполошно визжала, но даже попытки высвободиться не сделала. Дегтярев тихо бесился, больше на себя — что цепляет его это. И потом, в пути, слыша, как позади него Кручинин что-то ей воркует, а она хихикает, недовольствовался. А еще дивился тому, что вся проштрафившаяся врачебная троица тоже подалась к Кузьминичне. Бобров — понятно, он тут разводящий, но остальные двое... Как, интересно будут сидеть за одним столом, общаться после того, как враздрай топили друг друга? Как в глаза смотреть будут?

Неужели, сговорившись заранее, устроили комиссии спектакль, чтобы нельзя было отыскать виновного? Все же склонялся к мысли, что вряд ли они такие умелые актеры, — скорей всего, боятся, что кто-то воспользуется чьим-либо отсутствием, чтобы свалить на него всю вину. Но в любом случае думать об этом было неприятно. Как и не тешила мысль, что придется до самой ночи коротать время в этой компании, еще и с Лилей. Разве что пообедать в самом деле не помешало бы. Но с куда большим удовольствием оказался бы он сейчас дома, полежал, ублажая свой пробудившийся радикулит, в горячей ванне, а затем улегся в своей постели, по крайней мере до утра отстраняясь от всех передрыг этого дня. Только бы снова не прихватило, загружать всех...

На крыльце их самолично встречала владычица Кузьминична со своим придворным Толиком. Кто такой этот Толик и каковы его функции в пансионате, Дегтярев так и не взял в толк. Что не сын ее — точно. И не рядовой какой-нибудь завхоз. По многим приметам, состоял все-таки любовником у разбитной хозяйки, хоть и верилось в это с трудом — возрастной разницы между ними лет двадцать пять, не меньше. Впрочем, выглядела Кузьминична вполне еще завлекательно. Особенно, когда улыбалась. То ли щедро наградил ее Всевышний отменными, не

потускневшими с годами зубами, то ли протезист ей попался рукастый, но улыбалась как голливудская звезда. И если особо не присматриваться к ней и пренебречь ее густым макияжем, за тридцатилетнюю сошла бы. Хотя и знал Дегтярев, что до пенсии работала она в райкоме партии, и уже не меньше пяти лет заведует этим пансионатом. И без Толика, красивого, цыганистого вида парня с нагло-масляными глазами, ничего здесь не обходилось.

Тут спастись от дождя не пришлось — вход покрывал широкий козырек, машины подкатили прямо к крыльцу толстостенного, старой постройки трехэтажного здания.

— Милости просим, гостюшки дорогие! — лучезарно улыбалась Кузьминична. — Чувствуйте себя, как дома, не забывайте, что в гостях! — И вслед за Толиком громко, всплескивая руками, захохотала, радуясь шутке. — В такую погоду по чарочке пропустить, да под борщек хороший — самое милое дело! А красавицу какую с собой привезли, ну прямо артисточка! Толик, проводи гостей, я пока на кухню наведуясь, распорядюсь. И о шоферах позабочусь, чтобы не проголодались.

Толик, скользнув по Лиле привычным взглядом неотразимого соблазнителя, тряхнул кудрявыми чернящими волосами:

— К нашему шалашу!

С того раза, как побывал здесь Дегтярев, ничего не изменилось. Это явно была не столовая для пансионатских обитателей — предназначалась эта квадратная просторная комната с длинными окнами в малиновых бархатных портьерах и лепниной на потолке для особых приемов. Стоявший посредине стол на прочных ногах, покрытый малиновой же скатертью, запросто мог принять два десятка человек, и темные стулья вокруг были такие же массивные, добротные, с высокими резными спинками. Сиживало, надо думать, на них не одно поколение ответственных и полуответственных деятелей, сохранилась мебель отменно, не нынешней хлипкой чета. И сервирован стол был не абы как — посуда не случайная, отборная, накрахмаленные салфетки в кольцах, ложки, вилки и ножи в рядочек. Дегтярев насчитал десять приборов, из чего сделал вывод, что Кузьминична, извещенная Бобровым о количестве гостей, присоединится с Толиком к их компании. И судя по тем же приборам, двое должны были сидеть в торце стола, остальные — по четыре в каждой стороны. Прикидывая, кому предназначается торец, Дегтярев решил, что в любом случае сядет подальше от Лили, и лучше бы с одной с ней стороны, чтобы не глаза в глаза. Но главное — не делать резких движений, не провоцировать поясницу.

Сметливый Толик, хоть и не знал никого, кроме Дегтярева, из членов комиссии, рассадил всех по своему усмотрению. Будто бы ни чем не руководствуясь, с радушной улыбкой трогал всех по очереди за локоть и отодвигал стул, повторяя:

— Сюда, пожалуйста, спасибо.

И первым, в торец, усадил Коротко, оставив рядом стул свободным, — наверняка предназначался он Кузьминичне. Вскоре каждый сверчок занял свой шесток: справа от Коротко друг за дружкой Дегтярев, Лиля, Кручинин, справа от хозяйского стула — Хазин, Бобров, Глинский и Лукьянов. Стул за кручининским Толик оставлял, надо полагать, для себя. План Дегтярева отдалиться по возможности от Лили не сработал, но противиться выбору Толика не стал — превратно могли истолковать. Появилась сияющая Кузьминична, за ней две симпатичные девушки в белых передничках и наколках, катящие перед собой столики на колесах. У первой он был заставлен разномастными и разнокалиберными бутылками, вторая везла большую кастрюлю с опущенным в нее половником и чашу со сметаной. Едва появились они, по всей комнате вмиг разлетелся обалденный дух горячего мясного борща, щедро сдобренного зеленью и чесноком; Дегтярев только сейчас понял, как он проголодался, даже о радикулитных проблемах забыл.

Работали девушки споро и ловко, в считанные секунды стол был заставлен бутылками, борщ разлит по тарелкам. Дегтярев подивился обилию бутылок — коньячных, водочных, винных, — точно здесь готовились ублажить не один десяток крепко пьющих умельцев. Но еще больше поразила его эта кастрюля с борщом. Неужели умудрились приготовить его за малое время от бобровского звонка до их приезда? Начисто отвергалась мысль, что таким роскошеством потчуют своих заурядных постояльцев. А если все-таки потчуют, Кузьминичне надо бы памятник при жизни поставить. Или все-таки не спонтанно все произошло, готовились к визитерам из министерства? После недолгого рабочего совещания, кто что будет пить, емкости были наполнены, Кузьминична церемонно возвысилась над столом со своим коньяком, пропела, какая честь для нее принимать у себя столь высоких гостей, надеется она, что понравится им ее скромное угощение, особенно ее фирменный, по собственному рецепту плов. Завершив свое яркое выступление трафаретным пожеланием, чтобы все были здоровы, подала дорогим гостям пример, аппетитно проглотив содержимое своей рюмки.

Дегтярев, словно имело это какое-то значение, отметил про себя, кто какой напиток выбрал. Вином пренебрегли, коньячную компанию Кузьминичне

составил лишь Корытко, все остальные предпочли водку. В том числе и Лиля, что царапнуло Льва Михайловича. Отчего-то показалось это ему предосудительным, не ожидал от нее.

Обед удался на славу. То ли расслабила всех обильная и сытная еда, то ли спиртное разнежило, но через полчаса все полюбили друг друга, тосты провозглашались один за одним, никто, кроме всегда равнодушного к выпивке Дегтярева, не сачковал. Разве что Лиля с переменным успехом сопротивлялась настояниям Кручинина, бдящего, чтобы рюмка ее не пустовала. И, похоже, забыты были всеми и Бойко, и распри в бобровском кабинете — не до того стало. Или, не исключалось, намеренно приводили себя в состояние, чтобы стало не до того. Ценным собутыльником оказался Толик. Взял на себя роль тамады, вызывал тостующих, сыпал шутками и анекдотами. Неожиданно оказался остроумным и находчивым — сначала подумалось, будто нужен он Кузьминичне лишь в одном качестве, ни на что большее не годится.

Опасения, что возникнут у него сложности из-за близкого соседства с Лилей, также не оправдались. Она крепко была взята в оборот Кручининым, и по мере того, как тот хмелел, ухаживания делались все явственней. Лиля, насколько Дегтярев смог уловить, откровенных

авансов ему не давала, но и недотрогу из себя не строила. Смеялась, запрокидывая белую шею, пару раз шлепнула Кручинина по руке. И почти все время сидела, отвернувшись от Дегтярева, а он с ней тоже не заговаривал. Лишь однажды, когда передавал ей бутылку с фантой, пальцы их на миг встретились, она едва заметно вздрогнула, он увидел, как еще сильнее загорелось ее лицо, разгоряченное выпитым и кручининским кавалерством. Дегтярев не без оснований подозревал, что с самого начала повела она себя так, чтобы отгородиться от него. Чтобы ничто не напомнило ему о той давней воскресной ночи; а Кручинин — всего лишь удачное для нее стечение обстоятельств. Но тут же поймал себя на том, что, похоже, выдает желаемое за действительность. Подсаждал, что все-таки сидит, значит, в нем это желаемое, как бы ни накручивал себя. Понять бы еще, зачем оно сидит, почему, что ему вообще сейчас надо от своей бывшей медсестры, в которую когда-то безоглядно влюбился. Уж не ревнует ли он ее к удалому Кручинину? И пить начал больше обычного — раньше, бывало, всего двумя-тремя рюмками в застольях ограничивался. Внушал себе, что Лиля здесь ни при чем, просто алкоголь — неплохое обезболивающее...

Трапеза катилась по накатанной колее. Покончив с тостами по кругу, похохотав над

анекдотами, запели. Тут тоже инициативу проявил Толик, затянул про золотые огни на улицах Саратова. У него и голос оказался приятный, и слух верный, очень хорошо вторил. Пели старательно, громко, ни одного куплета не пропуская. А если забывали начало очередного, выручал Толик, все помнящий, остальные дружно подхватывали. Грохотало за окном, время от времени вспыхивали малиновые шторы, предусмотрительно сдвинутые Толиком, но все это лишь единило, даже придавало их пиршеству некий экзотический оттенок.

Преобразился и Кобытко. Не понять было, намеренно цеплял он на себя брюзгливую чиновничью маску и только сейчас, оттаяв за столом, раскрылся, или это коньяк благотворно на него подействовал. Лицо порозовело, разгладилось, заливисто смеялся над анекдотами, сам рассказывал, отпускал комплименты Кузьминичне. Дегтярев отметил вдруг, что тот вовсе не старый еще, немногим, может, за пятьдесят, не желчный пенсионер, как полагал ранее. А еще наблюдал он за местной братией. Никакого отчуждения между ними не уловил, держались они совершенно раскованно, пересмеивались, что снова навело Дегтярева на мысль о спектакле, устроенном ими министерской комиссией. Лишь один Хазин не очень-то вписывался в эту теплую компанию. Впрочем, уловить это смог бы один Дегтярев,

знавший Борю много лет. Вместе со всеми Хазин выпивал, балагурил, заигрывал с менявшими тарелки девушками, но все же глаза выдавали его. Глаза трезвого, погруженного в свои мысли человека.

Дегтярев, хоть и выпил больше обычного, опьяневшим себя не чувствовал. И не заметно было, чтобы кто-либо из гостей, изрядно принявших на грудь, терял над собой контроль. То ли способствовала этому горячая жирная пища — плов, кстати, приготовлен был отменный, — то ли компания подобралась к алкоголю устойчивая...

Сидели третий час, в щель между шторами заглядывала уже сизая вечерняя мгла. Отбыли в другие края громы с молниями, но дождь не угомонился, лишь не бушевал уже так, не испытывал на прочность оконные стекла — шумел ровно и плотно, давая понять, что нерастраченных сил его хватит надолго. Дегтярев подумал, что пора бы заканчивать эти посиделки, — девушкам убрать посуду и отправиться отдыхать, да и у Кузьминичны с Толиком есть тут и другие заботы, кроме ублажения навязанных им гостей. К тому же не следовало проверять мужиков на их сопротивляемость к спиртному. Тем более что неопустошенных бутылок осталось на столе немало. Все могло пойти под откос, если кого-нибудь из них развезет. До прихода поезда

еще далеко, и, по меньшей мере, здешних врачей надо бы распустить по домам. А у Кузьминичны наверняка сыщется комната, где бы они посумерничали перед отъездом, настроились. Позвал взглядом Хазина, кивнул ему, что время закругляться. Хазин понимающе моргнул, встал, поднял руку, привлекая к себе внимание. Многословно поблагодарил хозяев, сказал, что пора и честь знать. И, подавая пример, вышел из-за стола.

— А кофе? — изобразила испуг Кузьминична. — Как же без кофе?

— Я с удовольствием попью кофе, — поддержал ее Корытко. — Пусть принесут сюда.

— Ну, разве что кофе, — не стал возражать Хазин.

— Сюда нести ничего не нужно, — загадочно улыбнулась Кузьминична. — В Греции все есть! — Грациозной походкой двинулась к неприметной двери в другом конце комнаты, широким жестом распахнула ее, щелкнула выключателем: — Прошу, милостивые господа!

Вслед за ней вошел Корытко, покинули свои стулья остальные. Эта комната была небольшая, уютная, для чего она предназначалась, сразу сделалось понятным. И обстановка в ней не соответствовала той, где обедали. Модерновые, не дедовские диваны, кресла, под стильными

торшерами — легкие журнальные столики с пепельницами, огромный ковер во весь пол. Только портьеры на окне были из того же кондового малинового бархата. Кузьминична торжествующе оглядела всех, подбоченилась:

— Ну, как вам наша Греция?

— Класс! — одним словом обошелся Корытко.

Кузьминична подошла к стоявшему на тумбочке в углу магнитофону, включила его, приглушила звук, чтобы музыка была чуть слышной, снова продемонстрировала свои безупречные зубы:

— Располагайтесь, закуривайте, кофе сейчас будет. — И той же балетной походкой, неожиданной для ее большого грудастого тела, удалилась.

Тут уж Толик не распорядился, все расселись по желанию. Кручинин повлек за руку Лилю к маленькому, на двоих, диванчику, врачебная троица дружно устроилась рядом на большом диване, Хазин погрузился в кресло, а Дегтярев подпер плечом стенку — от греха подальше, и без того насиделся уже сверх меры. Поясница не бунтовала, но все же напоминала о себе, чтобы жизнь медом не казалась. Не сел и Толик — вышел вместе с Кузьминичной, но вскоре вернулся, хотя вряд ли был здесь теперь уместен. У Дегтярева возникло

ощущение, что он приставлен к ним, только неизвестно, кем и с какой целью. Все, исключая Корытко, оказались курящими, с наслаждением задымили. Лиля тоже взяла предложенную Кручининым сигарету, но виделось, что курить ей приходится редко, если вообще приходится. Возобновился прерванный разговор, Кручинин рассказывал, как пришла к нему тетка лет под семьдесят, просила укоротить ей нос. Нос у нее и в самом деле был длинноват, но он не соглашался оперировать, пугал непредсказуемыми в ее годы осложнениями и тем, что операция очень болезненная. Но та настаивала, говорила, что на всё пойдет, всё вытерпит. Оказалось, влюбилась она в кого-то насмерть, боялась, что с таким носом нет у нее шансов на взаимность. Рассказывал Кручинин умело, смешно, изображал в лицах, все покатывались со смеху.

— И что, сдались вы? — спросила Лиля.

— Заплатила — и сдался, — ухмыльнулся Кручинин. — Любви, Лилечка, не только все возрасты покорны, но и доктора. На том стоим.

Дегтярев глядел на него и думал, что вот ведь каким везучим уродился человек. Всего ему дадено, не поскупилась природа. Даже излишне, пожалуй, красив для мужчины. Высок, статен, с породистым лицом возмужавшего херувима. Женщины небось прохода ему не дают. Да еще умен, смышлен,

библиотека у него завидная. Не однажды случилось общаться с ним, получил возможность убедиться. И руки у него что надо, попасть к нему на операцию большой удачей считается. Даже то, что едва заметно порой заикается, лишь некий шарм ему придает. А что репутация бабника у него, так это никому еще не вредило, лишь славу множило. Не удивительно, что Лиля, давно уже не та тургеневская девушка, кокетничает с ним. Приятно это ему, Дегтяреву, или не приятно...

— Да уж, — хмыкнула Лиля, — с докторами это бывает. Да не всегда коту масленица.

— А вам почему знать? — ухватился Кручинин. — Неужели по собственному опыту?

— Может, и по собственному.

Случайно у нее вышло или намеренно — показалось Дегтяреву, будто Лиля адресовала эти слова одному ему. И тут же отвела глаза, снова выдав себя зардевшимися щеками. А он, дабы делать что-то, не стоять столбом, подошел к окну, прильнул к стеклу, защитившись ладонями от света, буркнул:

— Конца-края этому дождю не видать. Не погода, а чума какая-то.

— А у нас пир во время чумы. — Не понять было, иронизирует Хазин или сожалеет. — По всем литературным канонам.

— Боккаччо нам только не хватает, —

рассмеялся Кручинин.

— Какого еще Бокачо? — заинтересовался Корытко.

— Был один такой товарищ, — переглянулся с Дегтяревым Кручинин. — Давненко, правда. Книжечку забавную сочинил, «Декамерон» называется.

— А он здесь как бы при чем? — удивился Корытко.

— Он здесь ни при чем, — улыбался Кручинин, — но аналогия прослеживается. Только у него там настоящая чума была, люди из дому выйти не могли, как в заточении.

— А Декамерон этот у него кто? — терял свои последние акции Корытко.

— Вот декамерон у них как раз и при чем, потому что их ровно десять человек было. И каждый, чтобы время скрасить, рассказывал какую-нибудь любовную историю. Замечательная книжица, Степан Богданович, рекомендую почитать.

— Только нас тут в комнате не десять, а девять, — рассудил Корытко. — Аналогия как бы не полная.

И при этих его словах дверь открылась, возникла преобразившаяся Кузьминична. Не то поразило, что она, хоть и не царское это дело, сама вкатила столик с большим кофейником, чашками и

сахарницей, а что успела она переодеться. Сменила зеленые кофту и юбку на серый брючный костюм. Посчитала, видать, что кофейная церемония требует от нее именно такого представительства. Задержалась на входе, давая возможность по достоинству оценить ее новый наряд и подольше насладиться чарующим зрелищем. Первым сориентировался Степан Богданович, громко захлопал, тут же присоединились к нему остальные. Толик подбежал, принял у нее каталку.

— Вас как раз и не хватало! — заговорщицки посмотрел на Кручина Корытко.

— Меня или кофейка? — лукаво стрельнула глазами Кузьминична.

— И вас, и кофейка. Нас теперь с вами десятеро, можно, как в «Декамероне», рассказывать любовные истории.

— Можно и любовные, — забавно сморщила нос Кузьминична. — Отчего ж не рассказать!

— Угу, — подключился Хазин. — Магнитофон имеется, запись сохраним, очастливым грядущие поколения. Чтобы не уличили нас в плагиате, назовем как-нибудь иначе, «Антидекамерон», например.

— Против любви, что ли?

— Слушайте, — хлопнул себя по колену Кручинин, — неплохая идея! До поезда все равно еще пропасть времени. Не при наших милых дамах

будет сказано, о чем мужики, особенно поле доброй выпивки, треплются, когда соберутся? О бабах, пардон, конечно, да об амурных подвигах своих геройских. И никто никогда не признается, как облом у них вышел, прахом пошла любовь. Под пытками не выдадут. А ведь облом такой у каждого хоть один разок да бывал! Что, слабо рассказать всем об этом? А мне вот не слабо, могу первым, как Матросов, на амбразуру!

— Любопытно было бы послушать, — сказала Лиля.

И Дегтярев, сам дивясь этим своим словам, вдруг сказанул, в упор глядя на Лилю:

— Принимается. Но при условии, что дамы тоже нам расскажут. И пусть никто не отмалчивается, чтобы разоткровенничавшийся в дураках не остался. Тогда согласен быть вторым после Василия Максимовича.

— Против, воздержавшиеся есть? — весело спросил Кручинин. — Как говаривали мы в детстве, молчание — знак согласия. Дезертиров призовем к ответственности, выгоним под дождь. Погодите, вот только кофе глотну. И выключите кто-нибудь эту музычку, не в масть она сейчас...

3

Василий Максимович отставил чашку, запасся

воздухом, словно предстояло ему нелегкое испытание, затем решительно выдохнул, подтащил свободное кресло к двери.

— Место для рассказчика, чтобы всем было видно. И чтоб никто не сбежал.

Обстоятельно, неспешно поставил на подлокотник пепельницу, закурил. Оглядел всех по кругу, подмигнул Лиле, ловко выпустил в ее сторону сизые дымные кольца и первой же своей фразой всех озадачил.

— Нормально расти я начал почти в шестнадцать лет. Самым маленьким в классе был. На уроках физкультуры в шеренге последним стоял. Что здорово угнетало меня, больше даже, чем мой незавидный рост. Это ощущение не каждый понять может, самому прочувствовать надо, каково это — все перед тобой, а за тобой никого. Был у меня в классе дружок, Валерка Петров, тоже росточком не вышел, но передо мной стоял. И мы с ним все время мерились, кто из нас выше, очень принципиальным было. И когда, в пятом классе, я обогнал его и встал перед ним, радости моей предела не было. Валерка, кстати, так низкорослым и остался. Подрос, конечно, потом немного, за полтора метра перевалил, но тем не менее. Однако преуспел, если можно это назвать успехом. Помните, лет пятнадцать назад было громкое дело, судили банду Гнома? Весь город

грабежами да разбоями в страхе держали. Так вот этот Гном и был мой Валерка, главенствовал там, заправлял всеми битюгами-мордоротами, росточек не помешал ему. Но это так, к слову, вспомнилось вдруг.

А девчонки нравиться мне начали еще с детского сада. Влюблялся чуть ли не каждый день. Потом в своих одноклассниц втюривался, в девчонок с нашей улицы. Но, увы, не баловали меня взаимностью, внимания не обращали. И вообще мне с ними общаться было непросто. Поговорить с кем-нибудь — большая проблема. История со мной приключилась глупейшая. Было мне тогда лет шесть, отвезла меня мама на лето к родичам в деревню. Роскошное, должен сказать, местечко, прямо-таки сельская идиллия — речка, вполне еще тогда чистая, с песчаным бережком, лесок неподалеку с грибами-ягодами. Вот этот-то лес такую память по себе оставил, что до сих пор иногда ночами снится.

Дружки у меня там быстро нашлись, опекал меня двоюродный брат Санька, на четыре года меня старше, всюду таскал за собой. Деревенские ребята самостоятельные, ко двору не привяжешь. Ватага удалая подобралась, и я, малой, за ними — и на речку побултыхаться, и по садам-огородам, и в лес. А тот день, верней, ту ночь вовек не забуду. Отправились мы после обеда всей гурьбой в лес,